

УДК 070

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-186-198

«Язвы» и «яды» эмигрантской публицистики:
метафора болезни в «Дневнике политика» П.Б. Струве

Татьяна С. Бондарева-Кутаренкова
*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kutarenkova@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена особенностям метафоры болезни в публицистике П.Б. Струве в период с 1925 по 1935 г. Материалом для анализа послужили статьи, выходившие в постоянной рубрике главного редактора «Дневник политика» в газетах «Возрождение», «Россия» и «Россия и славянство». Определяется специфика предметов и образов сравнения, соответствующие фреймы, а также преобладающий синтаксический тип метафоры, роли морбуальной метафоры в публицистике Струве как важной составляющей эмигрантского дискурса 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: метафора, П.Б. Струве, публицистика, политика, русское зарубежье

Для цитирования: Бондарева-Кутаренкова Т.С. «Язвы» и «яды» эмигрантской публицистики: метафора болезни в «Дневнике политика» П.Б. Струве // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 10. С. 186–198. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-186-198

“Sores” and “poisons” of emigrant journalism.
The metaphor of disease
in “The politician’s journal” by P. Struve

Tatiana S. Bondareva-Kutarenkova
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kutarenkova@yandex.ru*

Abstract. The article deals with particularities of the metaphor of disease in P. Struve’s journalism in the period of 1925–1935. The material for analysis consisted of articles published in the regular column of the editor-in-chief “The politician’s journal” in newspapers “Vozrozhdenie”, “Rossiya”, “Rossiya i slavyanstvo”. The article defines the specifics of metaphorical subjects and

© Бондарева-Кутаренкова Т.С., 2025

images, appropriate frames, the dominant syntactic type of metaphors, features and principles of using the morbuial metaphor in Struve's journalism as an important component of the 1920–1930s emigrant discourse.

Keywords: metaphor, P. Struve, journalism, politics, Russians diaspora

For citation: Bondareva-Kutarenkova, T.S. (2025), “ ‘Sours’ and ‘poisons’ of emigrant journalism. The metaphor of disease in ‘The politician’s journal’ by P. Struve”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 186–198, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-10-186-198

Скрытое сравнение одного явления с другим на основе конкретного сходства может иметь разные функции в публицистическом тексте. М. Минский писал о метафорах:

Такие аналогии порою дают нам возможность увидеть какой-либо предмет или идею как бы «в свете» другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт, приобретенные в одной области, для решения проблем в другой области. Именно таким образом осуществляется распространение знаний от одной научной парадигмы к другой [Минский 1988, с. 291–292].

Примером, подтверждающим этот вывод, являются метафоры болезни в политической публицистике, выражающие авторскую оценку социальных и политических явлений. Подобные приемы позволяют публицисту быть особенно убедительным: болезнь и ее проявления – это то, что каждый читатель легко визуализирует и эмоционально переживает в силу имеющегося личного опыта или знаний.

В публицистике политика, историка, экономиста, юриста, известного деятеля русской эмиграции первой волны П.Б. Струве встречаются самые разные типы метафорических конструкций, в частности – связанные с образами болезни. Наиболее интересным источником в данном контексте исследования представляется его «Дневник политика» – в этой постоянной рубрике Струве, занимая пост главного редактора газет «Возрождение», «Россия» и «Россия и славянство», представлял свой взгляд на международные отношения, европейскую политику, историю России и советскую современность, жизнь русской эмиграции в период с 1925 по 1935 г.

Исследователь Е.Г. Трубецкова утверждает, что метафорические конструкции, включающие номинации заболеваний, медицинских манипуляций, физиологических состояний – сегмент широкого морбуального кода, который мы можем наблюдать в русской литера-

туре XX–XXI вв.: в терминах болезней происходит метафорическое осмысление различных социальных и политических процессов – революций, гражданской войны, первой волны эмиграции и т. д. [Трубецкова 2021, с. 47–54]. Автор исследований отмечает широкую распространенность образа смертоносной болезни при описании революции в эмигрантской литературе и публицистике, а также в произведениях писателей и философов, оставшихся в Советской России, но не принявших новую власть. «Высокой болезнью» называет революцию Борис Пастернак, «злостной болезнью» – Михаил Булгаков. «Медицинский дискурс становится одним из языков описания катастрофической эпохи конца XIX – начала XX в. в творчестве Марка Алданова», – пишет исследователь. Корни подобного метафорического восприятия революции уходят в публицистику XIX в. – достаточно вспомнить Ф.И. Тютчева: «Революция – болезнь, пожирающая Запад, а не душа, сообщающая ему движение и развитие...» [Трубецкова 2018, с. 65–68].

Традиция олицетворения государства и общества и восприятие их как живого организма идет еще из Античности, а нарушение функционирования этого «организма» рассматривалось как «болезнь» [Трубецкова 2018, с. 65–68]. П.Б. Струве использует метафору «*политическое тело*», говоря о государстве, а точнее – государственном механизме. Оно может быть здоровым и больным, молодым и дряхлым. Скелетом этого «тела» он называет «властвующих физических лиц». Он утверждал, что советская власть «обескровила» и довела «*тело*» российского государства до состояния обнаженного и уже сгнившего остова. Если в государстве нет полноты всей политической жизни, утверждал Струве, от него остается только скелет, «*голое властвование физических лиц*». «*Крепкий “мужичкий” костяк убьет гнилой и размягченный остов коммунистической власти*» – такой прогноз давал он в 1926 г.¹

Метафорическая картина международных отношений, внешней политики СССР и крупнейших мировых держав, проблем русской диаспоры и идеологических столкновений общественно-политических сил эмиграции в статьях П.Б. Струве позволяет увидеть многочисленные «болезни» различных государственных «организмов» (не только Советской России, но и зарубежных стран, а также русского эмигрантского сообщества, которое представляется таким же «телом», являясь малой моделью государства), а также «симптомы», «синдромы» и способы их «лечения», которые видел публицист.

¹ Струве П.Б. Два обнажения и два остова // Возрождение. 1926. 28 апр. С. 1.

Идеологию большевизма Струве считал опасной для мира «болезнью». Ослабленные (в первую очередь – экономически) страны, понесшие большие потери в ходе Первой мировой войны, оказались наиболее уязвимыми для проникновения коммунистических идей, считал Струве [Вандалковская 2004, с. 7–13]. В его публицистических текстах эти государства уподобляются организмам с ослабленным иммунитетом.

Метафорические проекции morbuality в текстах Струве связаны не только «болезнями» «политического тела». В качестве сравнения в текстах Струве могут выступать также самые разные понятия: физиологические состояния, причины этих состояний, медицинские профессии, номинации видов лекарств, врачебные манипуляции и др. Анализ статей в «Дневнике политика» позволяет увидеть следующие тематические категории.

1. Болезнь как обобщенное понятие

В рецензии на книгу А. Эрта и Ю. Швейкерта, название которой Струве переводит как «Разнуздание подполья. Анализ процесса большевизации Германии», вышедшую в 1932 г., Струве пишет: «Книга гг. Эрта и Швейкерта с необыкновенной выпуклостью изображает этот процесс, прослеживает его пути и формы, вскрывает “этиологию” этой *болезни*»². Большевизм метафорически осмысливается как болезнь.

2. Интоксикация

В этой категории метафор чаще всего встречается упоминание отравления ядами: «...господство большевизма прямо-таки *отравило* организм России лошадиными дозами социализма, иначе коммунизма». Далее об опасности коммунизма на Востоке: «Так называемое пробуждение Востока, подталкиваемое и субсидируемое из Москвы, есть его разложение московскими культурами сильнодействующих коммунистических *ядов*». «...Главным экспортным продуктом Советской России всегда был, есть и будет один: коммунистический *яд*»³. «Другой чертой внутренней слабости Китая и царящей в нем анархии является зараженность его идущим из

² Струве П.Б. Национал-большевизм в Германии // Россия и славянство. 1932. 4 июня. С. 1.

³ Струве П.Б. Беда и вина Японии // Возрождение. 1925. 17 дек. С. 1.

красной Москвы и все время оттуда поддерживаемым коммунистическим *ядом*, вошедшим в великой азиатской стране в какое-то стойкое соединение с китайским национализмом...»⁴. «...Ошибочно было невнимание к губительности большевистского *яда* для самих же немецких масс, как вооруженных, так и не вооруженных»⁵.

Помимо коммунистического «яда» Струве упоминает и «западноевропейский». Коммунизм, который публицист называет также «чудовищем» – «вовсе не порождение русской государственности, а ужасный плод прививки западноевропейских *ядов* к молодому, не окрепшему духовно-политическому организму русского народа, силы которого еще не перебродили».

«Вообще все русские чрезмерности и уродства получаются из сопряжения русской дикости и озорства с западными *ядами*», – рассуждал Струве в статье «Мысли Мишле о русском коммунизме, и в чем была их ошибка»⁶.

В следующем фрагменте речь идет об особом виде – трупном яде: «*Разлагающийся труп* большевистского коммунизма своими *ядами* и зловониями глубоко *отравил* русскую неисправимо мечтательную, вечно блуждающую и скверно блудящую “интеллигентскую” мысль»⁷.

В некоторых текстах причиной «отравления» выступают не «яды», а некая «зараза», под которой, вероятно, понимается инфекция: «Внешние силы, одни не видят всего зла и всей опасности коммунистической *заразы*, другие не хотят избавления от нее России, потому что желают, чтобы Россия оставалась навсегда *отравленной* и слабой»⁸. Словосочетание «*коммунистическая зараза*» встречается также в статьях «Необходимое сосредоточение охранительных сил»⁹ и «Большевизм и западное общественное мнение. Наблюдение Юста и впечатления Ясперта»¹⁰:

⁴ Струве П.Б. Японо-китайский конфликт и положение на Дальнем Востоке: Анализ его факторов // Россия и славянство. 1933. 4 марта. С. 1.

⁵ Струве П.Б. Мысли Мишле о русском коммунизме, и в чем была их ошибка // Возрождение. 1927. 5 мая. С. 1.

⁶ Там же.

⁷ Струве П.Б. Евразийское суесловие // Россия. 1927. 1 окт. С. 1.

⁸ Струве П.Б. Восемнадцать политических максим на сегодняшний день // Возрождение. 1925. 6 дек. С. 1.

⁹ Струве П.Б. Необходимое сосредоточение охранительных сил // Возрождение. 1925. 25 дек. С. 1.

¹⁰ Струве П.Б. Большевизм и западное общественное мнение. Наблюдение Юста и впечатления Ясперта // Россия и славянство. 1932. 15 окт. С. 1.

Конечно, мы должны стремиться к тому, чтобы везде рассеивать роковой *ядовитый* туман, пущенный на весь мир Лениным и до сих пор безобразно пускаемый его наследниками и продолжателями...¹¹

Совершенно наивно думать, что, не «вмешиваясь» в коммунистическое владычество над Россией, «буржуазные» силы мира этим охраняют себя от коммунистического *яда*. Совсем наоборот, признавая последний в его государственной форме, «буржуазные» государства сами, одни медленнее, другие быстрее, но неуклонно, вводят в свой *организм* большевистскую *отраву*¹².

В 1928 г. Струве пишет об отношении зарубежных политиков к советской власти: «...мертвый очаг мертвящей заразы, от которой они, однако, – именно потому что везде существуют свои коммунистические *яды* и противокмунистические *противоядия* – не имеют ни желания, ни нужды отбиваться вооруженной рукой»¹³.

Подобные метафоры можно обнаружить и в некоторых выступлениях Струве в доэмигрантский период. Осенью 1917 г., выступая на Временном совете Российской Республики, он подверг жесткой критике А.Ф. Керенского за недооценку большевистской опасности.

Большевизм – это смесь интернационалистического *яда* со старой русской сивухой. Этим ужасным пойлом опаивают русский народ несколько неисправимых изуверов, старых и молодых, подкрепляемых тучей германских агентов. Давно пора этот *ядовитый* напиток заключить в банку и по всем правилам фармацевтического искусства поместить на ней мертвую голову и надпись «*яд*», –

заявил тогда Струве [Пайпс 2001, с. 312].

В одной из статей Струве заменяет «яд» синонимом «отрава»: «Мир *болен* уже – и серьезно – это *отравой*, принимающей самые разные обличья...»¹⁴, – пишет Струве в 1933 г. о непонимании во многих странах угрозы распространения коммунизма. Он говорит

¹¹ Струве П.Б. Об одном мнении газеты «Молва» // Россия и славянство. 1933. 6 марта. С. 1.

¹² Струве П.Б. События на Кубе – грозное предостережение // Россия и славянство. 1933. Окт. С. 1.

¹³ Струве П.Б. О Красной армии, об «интервенции» и о других вещах // Россия. 1928. 7 апр. С. 1.

¹⁴ Струве П.Б. Об одном мнении газеты «Молва» // Россия и славянство. 1933. 6 марта. С. 1.

о том, что из «коммунистической крепости» будут осуществляться «вылазки и нападения на остальной мир, чтобы распространять в нем заразу и отраву».

3. Психические и нервные болезни

Метафорические конструкции, в которых как сравнения выступают номинации различных ментальных и нервных расстройств, чаще всего встречаются в полемике Струве с идейными оппонентами в эмиграции (в первую очередь – с евразийцами: «Евразийство – это духовная и душевная болезнь...»¹⁵), а также в описании и оценке публицистом настроений русской эмиграции.

В 1929 г. он с сожалением отмечает, как много среди активных деятелей зарубежья любителей громких слов и истеричных выпадов. Струве называет их неспособными к продуктивной деятельности, «графоманами» и «влюбленными в себя политическими чревовещателями» и предупреждает: именно таких, «упивающихся ролью ветхозаветных пророков», «неврастеников и психопатов» непременно «впрягут в свой советский экипаж»¹⁶.

В другой статье, посвященной той же проблеме, он пишет:

Не всякий человек, которого *нервная система* расшатана, может притязать быть Достоевским. Не всякий *неврастеник*, как бы он ни разочаровался в «капитализме», может быть ветхозаветным пророком. Не всякий кандидат в дом умалишенных должен быть признаваем за новоявленного Ницше. И надлежит сделать простой практический вывод: таких людей нужно не приближать к печатному станку, а более или менее деликатно удалять от него, рекомендуя им вместо литературных упражнений санаторное лечение. А может быть, и более суровый режим¹⁷.

Струве намекает на факты из биографии писателя (эпилепсию с фобиями, галлюцинациями и прочими проявлениями), а также на факты из биографии известного философа (психическое заболевание и помещение в психиатрическую больницу), чтобы доказать читателю, что в эмигрантских кругах распространяется немало абсурдных и утопических идей в газетах и журналах, которые нельзя рассматривать как авторитетное мнение.

¹⁵ Струве П.Б. Евразийское суесловие // Россия. 1927. 1 окт. С. 1.

¹⁶ Струве П.Б. Душно // Россия и славянство. 1929. 31 авг. С. 1.

¹⁷ Там же.

В статье «Три задачи Зарубежья» Струве, в частности, рассуждает о настроениях в эмигрантской среде, являющихся препятствием для осуществления важнейших задач русских за рубежом (создания экономического самоуправления, культурно-национального сохранения, активного политического воздействия извне на внутреннюю политику Советской России) и отмечает «безразличие и индифферентизм к судьбам России как государства и нации». Корни такого отношения автор видит в «душевной слабости». Он называет это «*психостенией*», в которую повергли многих и многих русских зарубежных или которую у них усилили тяжелые удары судьбы и горькие разочарования»¹⁸.

Еще одно яркое выражение Струве – «старорежимная *одержимость*». Автор называет это «настоящей *болезнью*» той части русской эмиграции, которая не желает оставить прежние, доэмигрантские политические распри, претензии, личные счеты, болезнью «многих “правых” и почти всех “левых” противников большевизма». Струве пишет: «<...> сейчас людей следует оценивать не потому, чем они были в прошлом, а по их годности в настоящем и пригодности в будущем»¹⁹.

Есть и пример-исключение: единственный раз Струве используют метафору психического заболевания, говоря о происходящем в СССР, в статье о деле Промпартии. Обвинительный акт Н.В. Крыленко автор называет «документом политической *психопатии*»²⁰.

4. Патологии беременности

Подобная разновидность морбуальной метафоры не так часто встречается в текстах Струве, но стоит упомянуть и образ сравнения, и предмет, с которым он соотносится в нескольких статьях публициста. В первом выпуске «Дневника политика» он пишет о том, что русская республика, провозглашенная Керенским, оказалась лишь «историческим *выкидышем*». «Предоставлю П.Н. Миллюкову в его двойном качестве историка, а ныне исторического *акушера* русской республики определить, на каком месяце случился этот первый *выкидыш*? Моему же историческому смыслу и эстетическому чувству канонизация исторического *выкидыша*

¹⁸ Струве П.Б. Три задачи Зарубежья // Россия. 1928. 26 мая. С. 1.

¹⁹ Струве П.Б. Старорежимная одержимость и сонливая беспечность // Возрождение. 1926. 10 янв. С. 1.

²⁰ Струве П.Б. Эволюция революции // Россия и славянство. 1930. 29 нояб. С. 1.

просто претит»²¹. В 1927 г., к годовщине Февральской революции, Струве публикует статью, которая так и озаглавлена – «Исторический *выкидыш*»²². Республика Керенского не смогла «развиться» и «родиться на свет» в качестве полноценной формы правления в России – делает вывод автор.

5. Дефекты кожи и слизистых

Наиболее часто в «Дневнике политика» встречается образ «язвы». В 1927 г. Струве пишет об опасностях социального радикализма: «Разводить же такой радикализм на тощающем народно-хозяйственном организме – значит, – обольщая народные массы социальным знахарством, только усиливать народное истощение». Такая политика, по словам автора, способна лишь «углубить *язвы*»²³. В других статьях он пишет: «Большевистское иго потому есть не сравнимое ни с каким внешним владычеством зло, что оно, как *злокачественная роковая язва*, разрушает субстанцию России»²⁴. «Как такое живое целое национальная Россия имеет перед собою только одну, все преобладающую задачу: побороть политически, морально и культурно *язву* большевизма...»²⁵. Мировой задачей Струве называл «истребление *язвы* коммунизма»²⁶.

Не менее интересен иной пример. В 1930 г. в Париже был похищен агентами ОГПУ генерал А.П. Кутепов. В первые дни после его исчезновения в эмигрантских кругах обсуждались самые разные версии произошедшего, в том числе выдвигались абсолютно сенсационные и рискованные предположения. «*Зуд гипотез*» – так назвал состояние эмигрантского дискурса в этот момент П.Б. Струве, выразив тем самым свое негативное отношение к тому, что «подлинно серьезное неизбежно перемешано с кифо-мокиевщиной, предается

²¹ Струве П.Б. <Статья>1 // Возрождение. 1925. 8 июня. С. 1.

²² Струве П.Б. Исторический выкидыш // Возрождение. 1927. 12 марта. С. 1.

²³ Струве П.Б. Блуждания и заблуждения французского фашизма // Возрождение. 1927. 3 мая. С. 1.

²⁴ Струве П.Б. Об одном заблуждении // Россия и славянство. 1933. 25 апр. С. 1.

²⁵ Струве П.Б. Восемь положений, предложенных на собрании в Белграде, и несколько дополнительных к ним разъяснений // Россия и славянство. 1934. 4 марта. С. 1.

²⁶ Струве П.Б. События в Германии: Их всемирно-исторический смысл // Россия и славянство. 1933. 15 марта. С. 1.

тиснению»²⁷. «Зуд» означает «раздражение», вызывает дискомфорт и беспокойство – именно такие чувства испытывал Струве как журналист и редактор, будучи неизменным противником сенсаций и слухов в прессе.

6. Медицинские манипуляции в целях устранения проблемы

В статьях о внешней политике СССР и международных отношениях Струве нередко обращался к вопросу об интервенции западных стран в СССР – как ее целесообразности, так и вероятности. Возможность подобного сценария публицист считал фантастической и очень маловероятной. Скорее, как он писал в 1932 г., интервенцией советское руководство просто пугает население страны. И для убедительности своих доводов он снова использует медицинскую метафору. «Это, в условиях величайшей нужды, испытываемой Россией, есть единственный способ отвлечения внимания от ужасов голода и гнета или, выражаясь по-медицински, единственное “*болеутоляющее средство*”»²⁸.

В статьях, посвященных японо-китайскому конфликту, Струве использует выражение «*хирургическое вмешательство Японии*», не разделяя симпатий к китайскому национальному движению и утверждая, что такое вмешательство оправдано²⁹.

Два вышеуказанных примера демонстрируют разные предметы и образы сравнения: в роли «хирургов» выступают правительства и армии стран, осуществляющих военно-политическое вторжение, а в качестве «терапевтов» – пропагандисты.

Во всех рассмотренных ранее метафорических конструкциях предметом сравнения чаще всего выступают: государство, внешняя политика, идеология, общественный и экономический строй, настроения и взаимоотношения внутри эмигрантского сообщества.

Также стоит изучить упомянутые метафоры болезни с точки зрения их отношения к следующей типологии:

²⁷ Струве П.Б. Против зуда гипотез // Россия и славянство. 1930. 22 февр. С. 1.

²⁸ Струве П.Б. Большевицкое запугивание мнимой «буржуазной интервенцией» и их собственное реальное и хроническое вмешательство в дела «буржуазного» мира // Россия и славянство. 1932. 24 сент. С. 1.

²⁹ Струве П.Б. Еще о дальневосточной проблеме // Россия и славянство. 1932. 2 апр. С. 1.

- Субстантивные метафоры болезни (номинация заболевания, его причины и источника – существительное): «исторический *выкидыш*», «старорежимная *одержимость*», «коммунистический *яд*», «противокоммунистическое *противоядие*», «политическая *психопатия*». Среди них выделяются и генитивные (существительное, связанное с морбуальной тематикой, употребляется в родительном падеже): «*зуд* гипотез», «*хирургическое вмешательство* Японии», «*язва* коммунизма», «*разлагающийся труп* большевистского коммунизма», «*остов* коммунистической власти».
- Адъективные метафоры (определение является номинацией заболевания или телесного ощущения): «...социальных тканей, *зараженных гангреной* при красном режиме», «*ядовитый туман*».
- Глагольные (глагол или деепричастие обозначает действие врача, лекарства, влияние заболевания на организм и т. д.): «*отравил* русскую неисправимо мечтательную, вечно блуждающую и скверно блудящую “интеллигентскую” мысль», «господство большевизма прямо-таки *отравило* организм России лошадиными дозами социализма, иначе коммунизма».

Стоит отметить, что, даже цитируя современников, Струве часто обращает внимание на медицинские метафоры и выделяет их. Так, приветствуя выступление посла США во Франции М. Геррика, Струве передает такие речевые обороты из доклада дипломата, как «*бациллы ужасной болезни*», «предумышленная *зараза*» (когда речь идет о коммунизме)³⁰.

Струве нередко подмечал и ценил подобные метафоры в текстах и выступлениях своих идейных оппонентов и нередко их цитировал. Например, он отразил в своих статьях слова А.Ф. Керенского «*психоз боязни реставрации*»³¹ и фразу П.Н. Милокова «процесс восстановления социальных тканей, *зараженных гангреной* при красном режиме»³².

Подводя итог анализа, опишем в общих чертах метафорическую картину, характерную для политической публицистики Струве, ориентируясь на упомянутые метафоры болезни. Россия,

³⁰ Струве П.Б. Громкое и мужественное слово // Возрождение. 1927. 1 июня. С. 1.

³¹ Струве П.Б. Некоторые положительные результаты полемики с П.Н. Милоковым: топчутся в партийных тупиках // Возрождение. 1925. 26 дек. С. 1.

³² Струве П.Б. Отказ П.Н. Милокова от активной борьбы с большевиками // Возрождение. 1925. 5 июля. С. 1.

как и любое государство, метафорически осмысливается как живой организм. Власть – скелет тела. Революция и большевизм – «болезни». Эти болезни тянутся и, как осложнение, возникают «язвы» и интоксикация. Для облегчения «симптомов» в качестве «обезболивающего» применяется запугивание интервенцией. Эта болезнь заразна для «соседей». Некоторым «заболевшим» (Китай) уже необходима помощь хирурга (Японии). Русское зарубежье (также метафорически представляющее в образе некоего организма) страдает иными расстройствами: активисты – неврастенией и психопатией, остальные – психостенией и одержимостью прошлыми политическими претензиями времен царизма.

Преобладающим типом являются субстантивные метафоры. Большинство метафор болезни в текстах Струве типичны – как для публицистов идейно-политического лагеря Струве, так и для всей эмиграции первой волны (при всей ее политической неоднородности и идейных разногласиях), и даже в целом для эпохи. Он говорит на одном метафорическом языке даже с оппонентами и врагами – образы сравнения идентичны, но предметы сравнения противоположны друг другу. В этом можно убедиться, обратившись к примерам из советской политической публицистики, которые приводит в своей статье Е.Г. Трубецкова: в 1920 г. В.И. Ленин писал о «детской болезни левизны» у своих политических оппонентов, а в 1938-м Л.Д. Троцкий называл сталинизм «сифилисом рабочего движения» [Трубецкова 2018, с. 65–68].

Есть и исключения, выделяющие Струве-публициста на фоне как оппонентов, так и единомышленников: в его статьях встречаются также оригинальные, отличающиеся новизной метафоры болезни (к примеру, «исторический выкидыш», «старорежимная одержимость», «политическая психопатия», а также многочисленные метафоры, ярко отражающие настроения русской эмиграции в период между двух мировых войн).

Литература

- Вандалковская 2004 – *Вандалковская М.Г.* П.Б. Струве и его «Дневник политика» // Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. С. 7–13.
- Минский 1988 – *Минский М.* Остроумие и логика когнитивного бессознательно // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 281–309.
- Пайпс 2001 – *Пайпс Р.Э.* Струве: правый либерал, 1905–1944: В 2 т. М.: Московская школа политических исследований, 2001. Т. 2. 680 с.

- Трубецкова 2018 – *Трубецкова Е.Г.* Болезнь как социальная и политическая метафора в литературе и публицистике XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2018. Т. 18. Вып. 1. С. 65–68.
- Трубецкова 2021 – *Трубецкова Е.Г.* К вопросу о морбуальном коде русской литературы // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467. С. 47–54.

References

- Minskii, M. (1988), “The wit and logic of the cognitive unconscious”, in *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics], iss. 23, Progress, Moscow, USSR, pp. 281–309.
- Pipes, R.E. (2001), *Struve: pravyi liberal, 1905–1944* [Struve. The right liberal, 1905–1944], vol. 2, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovani, Moscow, Russia.
- Trubetskova, E.G. (2018), “Disease as a social and political metaphor in literature and journalism of the 20th century”, *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, vol. 18, iss. 1, pp. 65–68.
- Trubetskova, E.G. (2021), “On the question of the morbidity code of Russian literature”, *Tomsk State University Journal of Philology*, no. 467, pp. 47–54.
- Vandalkovskaya, M.G. (2004), “P.B. Struve and his ‘The politician’s journal’”, in Struve P.B., comp., *Dnevnik politika (1925–1935)* [The politician’s journal (1925–1935)], Russkii put’, Moscow, Russia; YMCA-Press, Paris, France, pp. 7–13.

Информация об авторе

Татьяна С. Бондарева-Кутаренкова, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; kutarenkova@yandex.ru

Information about the author

Tatiana S. Bondareva-Kutarenkova, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kutarenkova@yandex.ru